

такого положения до признания черной биржи остается один шаг, и Пиганьоль действительно говорит о черной бирже. И не удивительно, что историку, прожившему годы второй мировой войны во Франции, казалось, что он имеет дело с хорошо знакомым по личному опыту явлением. Но, понятно, что обосновать эту модернизацию древней истории нельзя никакой, даже самой «свободной» интерпретацией того или иного отрывка из древнего автора (в данном случае из Авсония)²¹. Идти этим путем нельзя, как нельзя идти и той дорогой, которая считается многими буржуазными историками во главе с У. Сестоном²² более заслуживающей внимания: на нее-то как раз и указал Маццарино. По мнению итальянского ученого, закон спроса и предложения привел бы в конце концов к определенной «устойчивости» в соотношении между золотыми и серебряными монетами, с одной стороны, и медными — с другой, если бы рынок мог сохранить полную свободу от вмешательства римского государства. Воздействие римской «централизованной экономики», подчеркивает Маццарино, имело только разрушительные, «катастрофические» последствия для нормального движения цен и обращения товаров, и лишь так называемая «либеральная экономика» могла обеспечить нормальные экономические условия. Автор не скрывает, что, по его мнению, установлению подобной экономической «стабилизации» должно было бы предшествовать разорение народных масс, болезненное, но необходимое. Политика «планирования хозяйств», якобы примененная финансовыми органами империи, помешала «благоприятным возможностям» такой стабилизации, не предотвратив в то же время разорения тех слоев населения, которых, начиная с правления Септимия Севера, мы встречали в источниках под именем *tenuiores*.

Если я остановился, может быть, и несколько дольше, чем следовало бы, на этих рассуждениях итальянского историка, то это не было сделано лишь из желания познакомить читателя с его «теорией», своеобразно отражающей представления автора о современной экономической действительности и по существу порожденной реакционной позицией его класса (я, конечно, далек и от того, чтобы вовсе отрицать значение работ Маццарино, которые интересны главным образом привлечением, а отчасти и интерпретацией некоторых источников).

Но при всей своей методологической беспомощности работы всех упоминавшихся выше историков содержат значительное количество данных. На основании этих данных, в частности, можно сделать вывод, имеющий для нас сейчас первостепенное значение, а именно, что тогда, когда идет речь о процессе обращения в тех местностях Римской империи, где в IV—V вв. продолжала существовать городская жизнь и присущие ей формы рабовладельческого хозяйства, экономические отношения характеризовались денежным, а не натуральным обменом. Но отсюда в свою очередь, следует, что коль скоро в денежном обращении встречаются явления, противоречащие общим его законам, характерным для данной формации, мы вправе констатировать, что это является признаком разложения не только государственной администрации, но и самой рабовладельческой экономики.

Прежде всего нужно обратить внимание на явление, которое часто встречается в денежном обращении в окраинных провинциях империи (исследователи, однако, не отметили его нигде, если не говорить о Египте). С середины IV в. в этих районах обращалось много монет, которые было

²¹ Ausonius. Ep. Liber XXII, 20.

²² W. Seston. Op. cit., p. 434 sq.